

УДК 903.2(575.3)+94(510:575.3)"-02"

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2026.1.67.79>

МИГРАЦИЯ ЮЭЧЖЕЙ В БАКТРИЮ: АНАЛИЗ ИСТОРИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЙ

© 2026 г. А.Г. Муминов, Х.А. Назаров, О.У. Муминов

В статье рассматривается миграция племенного союза юэчжей во II–I вв. до н.э. из Восточной Азии в регион Бактрии (Тохаристана) и ее последствия, с акцентом на археологические свидетельства, культурные трансформации, эволюцию власти и материальное наследие. Проанализированы письменные источники – китайские хроники и античные авторы – и различные историографические подходы к этой проблеме. Обсуждаются взгляды ученых на этнокультурную принадлежность юэчжей и характер их государства, включая мнения Э.В. Ртвеладзе, Л.А. Боровковой, Е.А. Давидович, А.М. Мандельштама, Г.А. Пугаченковой, Х. Фалка и др. Археологические материалы из Северной Бактрии (Дальверзинтепа, Зартепа, Халчаян, Бешкапа и др.) свидетельствуют об урбанизации и оседании юэчжийской знати, синтезе кочевых и местных традиций и формировании Кушанского царства. Особое внимание уделено тому, как юэчжи, будучи изначально кочевниками, восприняли греко-бактрийское культурное наследие, способствовали этнокультурному синтезу и развитию городов, а также трансформировали политическую систему региона. В заключение подчеркивается значение миграции юэчжей как важного фактора формирования среднеазиатской цивилизации и необходимость комплексного подхода (исторического и археологического) для ее изучения.

Ключевые слова: археология, юэчжи, Бактрия, Кушанское царство, миграция, урбанизация, культурная трансформация, этнокультурный синтез, Тохаристан, историография.

THE YUEZHI MIGRATION TO BACTRIA: ANALYSIS OF HISTORICAL CONCEPTS

A.G. Muminov, Kh.A. Nazarov, O.U. Muminov

The paper examines the migration of the Yuezhi tribal confederation in the II–I centuries BC from East Asia to the Bactria region (Tokharistan) and its consequences, focusing on archaeological evidence, cultural transformations, power evolution and material heritage. It analyzes written sources such as Chinese chronicles and accounts by ancient authors, alongside different historiographical perspectives. The views of scholars on the ethnical and cultural identity of the Yuezhi and the nature of their state are discussed, including opinions by E.V. Rtveladze, L.A. Borovkova, E.A. Davidovich, A.M. Mandelstam, G.A. Pugachenkova, H. Falk and others. Archaeological findings from Northern Bactria (Dalverzin Tepe, Zar Tepe, Khalchayan, Beshkapa) reveal processes of urbanization and the settling down of the Yuezhi elites, a fusion of nomadic and indigenous traditions, and the emergence of the Kushan Empire. Special attention is given to how the nomadic Yuezhi, being originally nomads, absorbed the Greek-Bactrian cultural legacy, contributed to ethnic and cultural integration and urban development, and transformed the political structure of the region. In conclusion, the article emphasizes the significance of the Yuezhi migration as a crucial factor in shaping Central Asian civilization and the need for an integrated historical and archaeological approach to its study.

Keywords: archaeology, the Yuezhi, Bactria, Kushan Empire, migration, urbanization, cultural transformation, ethnical and cultural synthesis, Tokharistan, historiography.

Введение. Миграция юэчжей в Бактрию – одно из ключевых событий древней истории Центральной Азии, оказавшее значительное влияние на этнополитические процессы региона. Юэчжи (кит. 月氏, Yuèzhī) – крупное племенное объединение, изначально проживавшее на северо-западе Китая (район Ганьсу) и относящееся к кочевникам евразийских степей (Ртвеладзе, 2009). Под давлением гунн-

ских племён (сюнну) во II в. до н. э. юэчжи были вынуждены покинуть родные земли и мигрировать на запад, вызвав цепную реакцию среди соседних народов.

Большая часть племени («великие юэчжи») достигла Согдианы и Бактрии – региона современного Северного Афганистана, Узбекистана и Таджикистана, где ранее процветало Греко-Бактрийское царство. Здесь юэчжи сыграли

важную роль в падении власти греко-македонской династии и создании нового политического образования – Кушанского царства.

Цель исследования – комплексный анализ миграции юэчжей в Бактрию с позиций истории и археологии, включая культурные изменения, трансформацию политической структуры и материальное наследие. Работа опирается на древние письменные источники (китайские хроники, античные авторы) и современные археологические данные. Обзор историографии учитывает мнения ведущих специалистов: Э.В. Ртвеладзе, Л.А. Боровкова, Е.А. Давидович, А.М. Мандельштам, Г.А. Пугаченкова, Х. Фалк и др.

Статья структурирована следующим образом: вводная часть, обзор источников и историографии, анализ миграции и формирования государства, рассмотрение археологических памятников, культурные и политические трансформации, заключение с выводами. Такой подход позволяет показать, как переселение юэчжей стало ключевым фактором в истории Евразийских степей и древних цивилизаций Средней Азии.

Источники и историография. Юэчжи представляли собой не однородное кочевое племя, а сложную конфедерацию, способную интегрировать оседлое население и поддерживать устойчивую политическую организацию на обширных территориях (Benjamin, 2007). Основные сведения о переселении юэчжей содержатся в древнекитайских хрониках и трудах античных авторов. В «Ши цзи» (Исторические записки) Сыма Цяня и особенно в историях Ханьской династии зафиксированы важные сведения о юэчжйских племенах. Китайский посол Чжан Цянь, посетивший Среднюю Азию около 126 г. до н. э., сообщил, что «великие юэчжи» поселились в Дахе (Тахиа, то есть Бактрии) после изгнания из своих земель. Они разделили территорию на пять уделов, каждый из которых возглавлял племенной вождь. Китайские источники называют этих вождей си хоу («сяохоу», в русской передаче Бичурина – «ху-хэу»), что, предположительно, соответствует титулу «ябгу».

Пять владений юэчжей описаны в «Истории Старшей (Большой) Хань» и «Истории Поздней Хань» (цзюань 96 «Западный край»). Там также отмечено последующее возвышение одного племени – Гуйшуаня (Кушан) – над остальными и создание Кушанского царства

во второй половине I в. до н. э. – I в. н. э. (Бичурин, 1950).

Античные источники дополняют картину. Страбон упоминает вторжение в Бактрию племен азигов, тохаров, ассеев и пасианов, что, вероятно, относится к юэчжйским и сакским группам, разгромившим Греко-Бактрийское царство в середине II в. до н. э. (Страбон, 1964). Римский историк Юстин (по труду Помпея Трога) писал, что «народ тохаров» вместе с другими кочевниками уничтожил греческое царство в Бактрии и убил последнего бактрийского царя (Юстин, 1954). Эти данные согласуются с китайскими источниками: юэчжи были основными завоевателями Бактрии. Античные авторы, однако, менее детальны в описании внутренней структуры юэчжйского союза и последующей истории их государства. Эти пробелы восполняют китайские хроники.

Историографические подходы. В конце XIX – начале XX в. юэчжей нередко отождествляли с тохарами и рассматривали как носителей индоевропейских языков, включая тохарские или восточноиранские диалекты (Sims-Williams, 1988). Современные исследования указывают на их восточноиранское происхождение либо быструю иранизацию после переселения в Среднюю Азию (Sims-Williams, 2002). Э. Ртвеладзе относил юэчжей к восточно-персоязычному этносу с возможным тохарским компонентом (Ртвеладзе, 2009), тогда как Б.А. Литвинский и Б.Я. Ставиский подчёркивали культурно-лингвистическую близость к сако-скифским племенам и местным ираноязычным группам Бактрии (Ставиский, 1977).

Аргументом в пользу восточноиранской принадлежности служит переход юэчжей после завоевания Бактрии с греческого на бактрийский язык в официальной и бытовой коммуникации. Ранние надписи II в. н. э. и монеты V–VI вв. отражают использование бактрийского языка и почитание иранских божеств – Митры, Охшу, Луны (Мао) и других (Sims-Williams, 1988). Нумизматические данные подтверждают официальное использование иранских форм имен и титулов, демонстрируя синкретизм культуры Центральной Азии с преобладанием ираноязычных элементов.

Гипотеза о тюркском компоненте, основанная на интерпретации титула «си-хоу»

Рис. 1. Карта-схема миграции юэчжей в Бактрию и сопредельные регионы (II–I вв. до н. э.)

Fig. 1. Diagram of the the Yuezhi migration to Bactria and adjacent regions (II–I centuries BC)

как «ябгу» (Ходжаев, 2018), спорна. Англоязычные исследования трактуют «си-хоу» как титул союзного князя у Хань, применявшийся как к юэчжам, так и к вусуньям, а иероглиф «си» не имеет однозначного значения (Bosworth, 2007). Предположительная тюркская этимология *yamuka/*yavuka подвергается сомнению. Предложения Р. Фрая и И. Бейли о иранском происхождении титула подтверждаются отсутствием в эпиграфике Кушанов несомненных тюркских заимствований; «ябгу» мог быть заимствован как политический титул, не отражая этнической принадлежности.

Таким образом, совокупность лингвистических, нумизматических и археологических данных указывает на индоевропейскую (восточноиранскую) природу юэчжей, а попытки включить их в тюркскую или тохарскую категорию основаны на устаревших или спорных интерпретациях (Sims-Williams, 1988; Bosworth, 2007).

Весомый вклад внесли советские и современные исследователи. Л.А. Боровкова подробно изучила китайские хроники о кушанах, реконструировав хронологию и маршруты миграции юэчжей (Боровкова, 2005). Е.А. Давидович анализировала политическую историю и монетное дело Бактрии и Кушанского царства, выявив трансформацию власти

от греко-бактрийских царей к кушанским князьям (Давидович, 1976). А.М. Мандельштам уточнял хронологию переходного периода и систематизировал археологический материал (Мандельштам, 1966).

Г.А. Пугаченкова и Э.В. Ртвеладзе проводили комплексные археологические исследования в Южном Узбекистане (Дальверзинтепе, Халчаян и др.) в 1960–70-х гг. Они раскрыли картину культурного синтеза греко-бактрийских и кочевых традиций. Г.А. Пугаченкова показала, что в раннекушанский период (I в. до н. э. – I в. н. э.) появляются синкретические художественные образы, совмещающие элементы эллинистического реализма и кочевой культуры (Пугаченкова, 1966). Эти данные легли в основу концепции «культурной адаптации» юэчжей: кочевники быстро освоили достижения оседлой Бактрии, привнеся собственные степные элементы.

В последние десятилетия тема миграции юэчжей изучается с междисциплинарными методами. Международная конференция в Берлине (2013) и сборник под редакцией Х. Фалка (Falk, 2015) объединили востоковедов, археологов и лингвистов. Они представили новые данные письменных источников (включая Рабатакскую надпись) и уточнили хронологические рамки. Исследования подтвердили, что миграция юэчжей была

катализатором больших геополитических изменений – от падения эллинистических царств до подъема Кушанской империи. Они также подчеркнули необходимость переосмысления устоявшихся историографических стереотипов.

Таким образом, историография богата и разнородна: обсуждаются этническая принадлежность юэчжей, характер их государства (конфедерация кочевых княжеств или ранняя империя) и степень интеграции в оседлую цивилизацию. Ниже, опираясь на эти исследования, мы перейдем к реконструкции миграции юэчжей и археологическим свидетельствам.

Миграция юэчжей из Центральной Азии в Бактрию была длительным и сложным процессом, а не одномоментным бегством под давлением хунну (рис. 1). В 176–160 гг. до н. э. они потерпели поражение от войск шаньюя Модэ; часть племени («малые юэчжи») откочевала в Тибетское нагорье и Кукунор, а основная масса («великие юэчжи») двинулась в Семиречье и долину Или, вытеснив саков и столкнувшись с усунями (Wusun), союзниками ханьцев. Около 140 гг. до н. э. они через Фергану вторглись в Греко-Бактрийское царство, ослабленное внутренними распрями (Юстин, 1954).

Кто стал главным «могильщиком» греческого господства – саки или юэчжи – спорно. По современному мнению, действовали последовательно: сначала саки нанесли удар с севера, затем юэчжи закрепили успех, разгромив остатки греко-бактрийских войск (Ставицкий, 1977).

После завоевания великие юэчжи не создали единого государства, а «разделили страну Дася (Бактрию) на пять владений» по племенному принципу, где каждому правил си-хоу («князь») – среди них выделялось Гуйшуань (Куйшанг), будущие кушаны (Бичурин, 1950).

Первоначально сохранялось относительное равновесие между князьками. Возможно, они признавали старшего вождя – ябгу, что китайское «си-хоу» изначально отражало. Однако никаких «царских» титулов они не принимали, что подтверждают нумизматические данные: местные правители конца II – начала I вв. до н. э., такие как Сападбиз (Sapadbizes), чеканили монеты без царских титулов. Это позволяет предположить, что юэчжийские князья формально были васса-

лами или частью конфедерации, не претендуя на статус самодержавных царей (Ртвеладзе, Алимова, 2021).

В I в. до н. э. одно из пяти юэчжийских княжеств – племя кушан (гуйшуань) – стало усиливаться и постепенно подчинять соседние племена. Согласно «Хоу Ханьшу», вождь Кьюйцюцзю (丘就却, Qiūjiùquè), отождествляемый с Кудзулой Кадфизом, объединил под своей властью все пять племён юэчжей (Fan, 1965; Боровкова, 2005). Датировка этого объединения спорна: западные исследователи опираются на нумизматические и археологические данные и относят события к середине или второй половине I в. до н. э., тогда как китайские источники фиксируют завершённую стадию формирования власти – начало I в. н. э.

Нумизматические источники отражают переход от племенной раздробленности к единовластию: ранние монеты юэчжийских вождей подражали греко-бактрийским и не имели царских титулов, тогда как Герей (Heraos), вероятный предшественник Кудзулы Кадфиза, уже использовал титул TYRANNOY – «властитель» (Шаймарданов, 2025). Это свидетельствует о постепенной консолидации и переходе к царской власти. Кудзула Кадфиз, провозгласив себя «шаф» (шах), закрепил создание Кушанского царства, которое позже при его потомках, особенно Канишке, стало обширной империей от Гиндукуша до Ганга (рис. 2).

Таким образом, ядро государства сложилось в Бактрии в I в. н. э., что подтверждает постепенный, многоэтапный характер политической консолидации юэчжей и роль нумизматических и письменных источников в реконструкции событий.

Таким образом, миграция юэчжей завершилась не просто переселением, но коренной перестройкой политической карты региона. На месте разоренного эллинистического царства возникло новое кочевое (по происхождению) государство – конфедерация юэчжийских княжеств, эволюционировавшая затем в раннефеодальную империю кушанов. Но важно отметить, что завоевание Северной Бактрии юэчжами сопровождалось сохранением и адаптацией городских и хозяйственных структур, а не их разрушением (Benjamin, 2007).

Следующие разделы посвящены тому, как эти политические перемены отражены в архео-

Рис. 2. Монеты Кушанских царей: а – монета Герая (I в. до н.э.); б – тетрадрахма Кудзулы либо Вимы Кадфиза (I в. н.э.); в – монеты Канишки I (нач. II в.); г – Хувишка (II в.) (Манаобаго, Ахурамазда, Ардохшо); д – Васудева I (кон. II – нач. III вв.) (Охшо); е – Kanishka II (III в.) (Ардохшо); ж – Vasishka (III в.); з – Vasudeva II, (III в.).

Fig. 2. Coins of the Kushan rulers: а – coin of Heraios (I century BC); б – tetradrachm of Kujula or Vima Kadphises (I century AD); в – coins of Kanishka I (beginning of the II century AD); г – Huvishka (II century AD) (Manaobago, Ahura Mazda, Ardoxsho); д – Vasudeva I (end of the II – beginning of the III centuries AD) (Oesho); е – Kanishka II (III century AD) (Ardoxsho); ж – Vasishka (III century AD); з – Vasudeva II (III century AD).

логических материалах и какие культурные сдвиги сопровождали оседание юэчжей в Бактрии.

Археологические свидетельства: оседание юэчжей и урбанизация Бактрии Археологические памятники Северной Бактрии (на территории современного Южного Узбекистана и прилегающих районов Таджикистана) дают богатый материал, иллюстрирующий процесс адаптации юэчжей к оседлой жизни и их роль в развитии городов региона. После вторжения кочевников часть греко-бактрийских поселений была разрушена, однако многие города продолжили существование, перейдя под власть новых хозяев. Юэчжи, утвердившись в Бактрии, постепенно перешли от кочево-

го образа жизни к оседлому – по крайней мере, их элита стала базироваться в городских центрах, используя их как резиденции и опоры власти.

Одним из ключевых памятников этого периода является Дальверзинтепа – крупное городище в долине Сурхандарьи (юг Узбекистана), раскопанное экспедицией Г.А. Пугаченковой и Э.В. Ртвеладзе в 1960–70-х гг. Дальверзинтепа была основана еще в эллинистический период (III–II вв. до н.э.), но особенно расцвета достигла в кушанское время (I–II вв. н.э.), когда превратилась в процветающий город с цитаделью, храмами и ремесленными кварталами (Пугаченкова, Ртвеладзе, 1978). Площадь городища (около 100 га) и мощные

Рис. 3. Общий план городища Д Дальверзинтепе. Выполнен Э. В. Ртвеладзе.

Fig. 3. General plan of the Dalverzin Tepe fortified settlement. Drawn by E.V. Rtveldadze.

укрепления свидетельствуют о значительной концентрации населения и богатства. В слоях I в. н.э. обнаружены многочисленные находки, указывающие на пребывание здесь кушанской администрации: монетный двор, где чеканились монеты по образцу греко-бактрийских (причем анализ металла и клейм показал локальное производство), сокровища золотых украшений и монет (так называемый «клад Дальверзинтепе», включавший золотые изделия с номадическими мотивами и монеты кушанских царей), а также жилые и хозяйственные постройки, перестроенные по новым планировочным решениям. Найдены фрагменты керамических оссуариев (костехранилищ) кушанского времени с рельефными изображениями культовых сцен (в одном случае – фигуры жрецов с сосудами), что говорит о распространении зороастрийского обряда захоронения (характерного для оседлого иранского населения) среди новой знати. Все это указывает, что Дальверзинтепа в кушанский период служила одной из столиц или важных резиденций юэчжийских царей,

играя ключевую роль в контроле над территорией Тохаристана (рис. 3).

Другой важнейший памятник – комплекс Халчаян в долине реки Шерабад. Халчаян представлял собой укрепленное дворцовое сооружение (или храмовый комплекс) I в. до н.э. – I в. н.э., связанный, вероятно, с ранними кушанскими правителями. Раскопки Г.А. Пугаченковой выявили остатки большого здания с залом, украшенным уникальной серией скульптурных изображений. Глиняные статуи и рельефы Халчаяна изображают всадников, вождей в характерных костюмах (в том числе в длинных кафтанах и высоких конических шапках – типичной одежде кочевой знати) и сцены торжеств или битв (рис. 4). Искусствоведческий анализ показал синтез разных традиций: черты греко-эллинистического реализма в передаче человеческих фигур сочетаются с локальными центральноазиатскими мотивами. Г.А. Пугаченкова интерпретировала халчаянские скульптуры как портретную галерею ранних кушанских князей, возможно, отпраздновавших победу

Рис. 4. Скульптурное оформление центрального зала в Халчаяне. (реконструкция Г.А. Пугаченковой).

Fig. 4. Sculptural design of the central hall in Khalchayan (reconstruction by G.A. Pugachenkova).

над сакскими племенами (Пугаченкова, 1966). Среди изображений выделяется фигура молодого вождя со специфическими чертами лица, которого отождествляют с представителем династии юэчжей (возможно, с самим Кудзулой Кадфизом в юности). Рядом присутствуют фигуры, напоминающие греческих богов или идеализированных героев. Таким образом, комплекс Халчаян дает бесценное свидетельство культурной трансформации: пришлый кочевой правитель утвердился в бывшей греко-бактрийской столице и заказал декоративную программу, соединившую греческие художественные приемы с прославлением собственной, кочевой по происхождению, династии. Этот памятник прямо указывает на процесс этнокультурного синтеза – рождение новой художественной культуры кушанского Тохаристана (рис. 5).

Важными узлами расселения юэчжей стали и другие городища северной Бактрии. Зартепа – городище близ современного Шерабада – существовало с эпохи эллинизма, а в кушанский период (I–III вв. н.э.) было рекон-

струировано и укреплено (Альбаум, 1960). Раскопки Зартепы обнаружили типичные жилища кушанского времени, глинобитные стены, планировку кварталов с жилыми домами, где наряду с керамикой эллинистической традиции появляются новые формы посуды и терракотовые статуэтки, отражающие вкусы пришлого населения (например, фигурки всадников, женщин в характерных головных уборах и т.д.). Верхние слои Зартепы содержат также следы кушано-сасанидского времени (III–IV вв.), показывая преемственность городской жизни после падения, собственно, кушанской династии. Таким образом, юэчжи не разрушили городской уклад, а, напротив, способствовали его продолжению и развитию на новых основаниях.

Бешкапа – городище в долине Вахша (южный Таджикистан) – интересный пример основания нового поселения в кушанское время. Этот город, возникший, вероятно, уже при кушанах, имел прямоугольный план, укрепления из сырцовых кирпичей и, судя по раскопкам, выполнял функцию район-

ного центра в сельской округе. На Бешкапе обнаружены погребальные сооружения в виде оссуариев с росписями и рельефами, изображающими сцены жертвоприношений и культовых церемоний (две мужские фигуры, несущие подносы и кувшин). Это свидетельствует о распространении среди кушан местных религиозных практик, прежде всего зороастризма, с характерным обрядом очищения костей. Появление оседлых некрополей с оссуариями указывает, что кочевая аристократия обосновалась и укоренилась: вместо степных курганных захоронений они стали использовать оседлый (иранский) погребальный обряд. Следовательно, Бешкапа демонстрирует процесс оседания юэчжей и их адаптации к оседлой культуре вплоть до деталей идеологии и обряда.

Дополняют картину и археологические комплексы за пределами Северной Бактрии, связанные с юэчжами. В частности, на территории современного Афганистана ярким свидетельством синтеза культур является Тиллятепа – курганный некрополь I в. н.э., раскопанный в 1970-х гг. В шести погребениях кургана Тиллятепе обнаружены богатейшие погребальные дары – золотые украшения с сочетанием степных (скифо-сибирских) мотивов и эллинистически-римских форм, наряду с монетами, в том числе римскими денариями и парфянскими драхмами. Это захоронение, вероятно принадлежащее знатным кочевникам в Бактрии накануне или в начале правления кушанов, демонстрирует международные связи и культурное разнообразие элиты юэчжей: они имели предметы из разных концов Евразии, будучи вовлечены в ранние процессы торговли по Шелковому пути. В то же время факт курганного погребения (в отличие от оссуариев на севере) показывает, что часть юэчжей еще сохраняла степные обычаи погребения по крайней мере до рубежа эр.

Археологические материалы свидетельствуют, что к I–II вв. н.э. регион Бактрии (Тохаристана) переживает новый подъем городской жизни и экономики под властью кушанских царей. Старые города (Бактры, Термез, Эрк-курган и др.) были восстановлены или продолжали процветать, а новые крепости и поселения возникали в ранее периферийных областях, куда до того урбанизация не достигала. Юэчжи принесли с собой определен-

ные новые технологии (например, некоторые виды конской амуниции, оружия), но в целом быстро переняли местные традиции земледелия и строительства. В материальной культуре I–III вв. н.э. прослеживается интересное сочетание: сосуды и утварь греко-бактрийского образца соседствуют с кочевыми деталями (например, бронзовыми зеркалами и бляхами с «звериным стилем»), а буддийские ступы возводятся рядом со святилищами огня. Такое смешение археологи интерпретируют как прямое следствие юэчжийской миграции – встречи кочевой и оседлой цивилизаций.

Оседание юэчжей в Бактрии привело к глубоким культурным изменениям как среди пришлого народа, так и в обществе региона в целом. Произошел многосторонний этнокультурный синтез, заложивший основы новой кушанской культуры, объединившей элементы греко-римского, иранского, индийского и кочевого наследия.

Во-первых, изменилась социальная структура и образ жизни юэчжей. Из кочевников-скотоводов, кочевавших в степях Восточного Туркестана, они превратились в правящий слой оседлого аграрно-городского общества. Это отразилось в переходе от юртов и кибиток к дворцам и городским усадьбам, от кочевой мобильности – к контролю над определенной территорией с городскими центрами. Юэчжийская знать приняла формы оседлого досуга и статуса: вместо эпической устной традиции степняков – эллинистические атрибуты власти (диадема, трон), вместо сезонных кочевий – жизнь в резиденциях. Однако некоторые аспекты их степной традиции сохранились и видоизменились: например, привычка возводить курганы трансформировалась в сооружение монументальных царских храмов-хранилищ (как храм с подписью Канишки в Сурх-Котале, Афганистан), служивших местом памяти предков династии (рис. 5).

Во-вторых, произошла религиозно-идеологическая трансформация. Юэчжи встретились в Бактрии с богатым религиозным миром: здесь сосуществовали эллинистические культы, зороастризм местного населения, буддизм, начавший проникать с юга, и верования самих юэчжей. Последние, по мнению некоторых исследователей, изначально могли поклоняться небесным богам или предкам (как другие восточные кочевники).

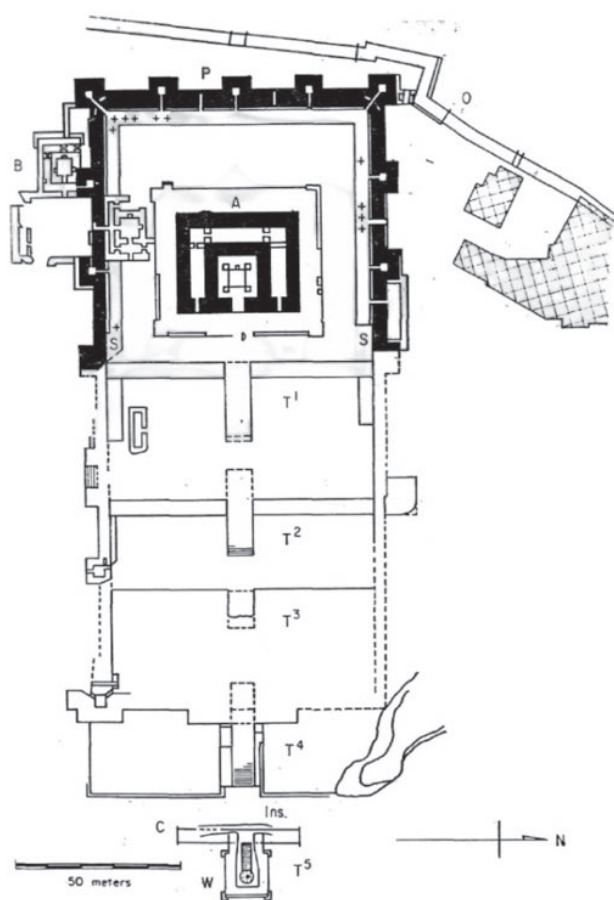

Рис. 5. План культового центра в Сурх-Котале (по Д. Шлюмберже).

Fig. 5. Plan of the cult center in Surkh Kotal (by D. Schlumberge).

В процессе синтеза кушанские цари стали покровителями разнообразных культов. Они чеканили монеты с изображениями греческих богов (Зевс, Гелиос), индийских и иранских божеств (Шива/Оэшо, Нана, Атуарма) и даже Будды (начиная с Канишки) – что свидетельствует о их политике религиозной толерантности и стремлении легитимировать власть в глазах разных подданных. Археологические находки – буддийские монастырские комплексы позднекушанского времени (например, Термезский кара-тепе, Аджина-тепе в Тохаристане), огнехрам в Дальверзинтепе, ансамбли скульптур в Халчаяне – указывают, что кушанская элита патронировала *одновременно* буддизм, зороастризм и греко-римский культ царя. Именно при кушанах буддизм получил мощный импульс для распространения на Север – известна традиция, что кушанский царь Канишка созвал буддийский собор и поддерживал отправку буддийских миссий в Китай (Falk, 2015). Таким образом, религи-

озный синкретизм стал отличительной чертой кушанской эпохи, в основе которого лежала изначальная гибкость юэчжей в усвоении новых верований.

В-третьих, заметен синтез в материальной культуре и искусстве. Как упоминалось, искусство кушанской Бактрии вобрало в себя эллинистические художественные приемы (реалистичная скульптура, греческие орнаменты) и скифо-томирисовские мотивы (стилизованные звери, сцены охоты, кочевая атрибутика). На стенописях и рельефах кушанских храмов рядом могут соседствовать фигуры в греческих хитонах и в степных кафтанах. В городищах находят керамику смешанного характера: наряду с типично эллинистическими амфорами – горшки и блюда с росписью, характерной для кушанского времени, иногда с мотивами, идущими от саков. Нумизматическое искусство эволюционировало: ранние монеты подражали греческим, с греческими надписями, но постепенно язык надписей сменился на бактрийский (аранский) на греческой графике, а иконография стала оригинальной (например, изображение самого кушанского правителя в уборе с пламенеющей нимбом на золотых монетах Канишки). Этот переходный процесс хорошо прослежен Е.А. Давидович и другими нумизматами: он отражает, как юэчжи сначала переняли греко-бактрийскую систему монет и титулов, а затем выработали собственную, отвечающую их представлениям о царской власти (Davidovich, 1983).

Изменения коснулись и политической культуры. Власть юэчжийских вождей из родоплеменной стала территориально-административной. Как указывал Э.В. Ртвеладзе, кушанское государство сначала носило черты конфедерации кочевых племен, но по мере оседания превратилось в раннегосударственное образование восточного типа (Ртвеладзе, 1997). Кушанские цари переняли часть административных практик греко-бактрийцев и ахеменидских традиций: например, сохранили деление на сатрапии/наместничества, систему сбора налогов с оазисов, ведение делопроизводства. Рабатакская надпись (ок. II в. н.э.) свидетельствует о сложной административно-социальной терминологии кушан – упоминаются должности, титулы, ранги, отражающие расслоение общества и функционирование государственного аппарата. Хотя юэчжи пришли как кочевники-завоеватели,

они довольно быстро переняли опыт управления оседлыми областями, накопленный предшественниками (ахеменидскими наместниками, греко-бактрийскими царями). В то же время они внесли и свои элементы — например, институт соправительства или разделения царства на части между представителями правящей династии (отголосок прежней племенной автономии) прослеживается в первых поколениях кушанских правителей.

С точки зрения этногенеза, миграция юэчжей привела к формированию новой этнополитической общности — кушан. В этом названии отразилось имя одного из племен («кушань» = *kushan*), но со временем оно стало обозначать весь конгломерат народов, вошедших в империю. Собственно юэчжи, слившиеся с местным бактрийским населением и частично с другими пришлыми (саками, парфянами в северных оазисах), дали начало народу, известному в поздней античности как тохары (тохарцы) — носители согдийско-бактрийской культуры поздней античности. Можно сказать, что юэчжи в значительной степени ассимилировались в иранской среде, однако и их потомки повлияли на генезис ряда народов региона (например, участие кушанского компонента предполагается в этногенезе таджиков южного Узбекистана и Северного Афганистана, а также некоторых групп пуштунов и узбеков через более поздние миграции). Так или иначе, в культурном плане уже к III в. н.э. потомки юэчжей были носителями высокосинкретичной кушанской культуры, отличимой как от исходной культуры степных кочевников, так и от греко-бактрийской, но вобравшей черты обеих. Формирование Кушанской империи стало итогом длительной трансформации юэчжийского общества (Benjamin, 2007).

Заключение. Миграция юэчжей в Бактрию во II—I вв. до н.э. стала переломным моментом в истории Евразийских степей и Центральной Азии. Проникновение сильного союза кочевых племен в оседлую цивилизацию привело к разрушению эллинистических государственных структур и формированию новых: сначала конфедерации юэчжийских княжеств, затем Кушанской империи. Исторический анализ свидетельствует, что переселение юэчжей не было стихийным набегом с последующим исчезновением кочевников, а положило начало длительному процессу

социально-культурной трансформации. Завоевав богатую Бактрию, юэчжи не только удержали ее, но и интегрировались в местную цивилизацию, играя созидательную роль в ее развитии.

Археологические данные подтверждают вклад юэчжей в урбанизацию региона. Под их эгидой старые города возродились, появились новые укрепленные поселения на стратегических точках. Постепенно кочевая знать трансформировалась в городской класс, что нашло отражение в архитектуре: Дальверзинтепа как крупный административный центр Кушанской державы и роскошные дворцы Халчаяна демонстрируют художественные программы, ранее нехарактерные для степных народов.

Эволюция власти юэчжей — от племенных вождей к царям мирового уровня, таким как Канишка — отражает политическую гибкость и способность к адаптации. Первоначальная племенная демократия уступила место монархии восточного типа, интегрировавшей элементы прежних государственных систем региона. Административное деление, налоговая система и титулатура претерпели изменения, демонстрируя синтез кочевых традиций управления и оседлой бюрократической практики.

Культурный синтез в Кушанском царстве оказал влияние далеко за пределами региона. Держава связывала торговые пути от Рима до Китая, способствуя обмену товарами и идеями на Великом шелковом пути. Юэчжи содействовали распространению буддизма из Индии в Центральную Азию и Китай, а элементы эллинистического искусства проникли в глубь Евразии. В самом Тохаристане сформировалась уникальная культура, объединяющая греко-римские, индоиранские и кочевые элементы, что подтверждают археологические находки в бактрийских храмах, гробницах и сокровищницах.

Современные источники позволяют утверждать, что юэчжи принадлежали к индоевропейской (вероятно иранской) общности, хотя позднее их этногенез мог включать тюркский компонент. Миграция юэчжей традиционно рассматривалась как часть широкого процесса борьбы кочевников и земледельцев. Однако опыт юэчжей показывает, что такие переселения не всегда ведут к разрушению: взаимодействие различных культур могло стимулировать расцвет новых государственных и оригинальной культуры.

Статья демонстрирует, что только комплексное использование источников — хроник, трудов древних историков и археологических данных — обеспечивает целостное понимание миграции юэчжей и ее последствий. Уже сейчас очевидно: миграция в Бактрию стала поворотным событием, приведшим к формированию средневековой цивилизации Центральной Азии. Кушанское

царство унаследовало как кочевые импульсы, так и оседлые традиции, заложив фундамент для дальнейшего развития региональных культур Тохаристана, Согда и Гандхары. Опыт юэчжей убедительно свидетельствует: взаимодействие степных и земледельческих миров, сочетание конфликта и сотрудничества — мощный двигатель исторического процесса в Евразии.

ЛИТЕРАТУРА

Альбаум Л.И. Балалык-тепе. К истории материальной культуры и искусства Правобережного Тохаристана. Ташкент: АН УзССР, 1960. 228 с.

Бичурин Н.Я. [Иакинф]. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I. М.; Л.: АН СССР, 1950. 328 с.

Боровкова Л.А. Кушанское царство (по древним китайским источникам). М.: Вост. лит., 2005. 312 с.

Давидович Е.А. Первый клад тетрадрахм кушанца «Герая» // ВДИ. 1976. № 4. С. 56–78.

Дальверзинтепе – кушанский город на юге Узбекистана / Отв. ред. Л.И. Ремпель. Ташкент: Фан, 1978. 250 с.

Мандельштам А.М. Раскопки памятников кушанского времени в Северной Бактрии // СА. 1966. № 4. С. 53–64.

Пугаченкова Г.А. Халчаян (к проблеме художественной культуры Северной Бактрии). Ташкент: Фан, 1966. 288 с.

Ртвеладзе Э.В. Новые данные к истории государства Кушан // Общественные науки в Узбекистане. 1997. № 5. С. 67–70.

Ртвеладзе Э.В. Цивилизации, государства, культуры Центральной Азии. 2-е изд., доп. Ташкент: Патент-пресс, 2009.

Ртвеладзе Э.В., Алимова Д.А. История государственности Узбекистана. Ташкент: Академнашр, 2021. 552 с.

Ставиский Б.Я. Кушанская Бактрия: проблемы истории и культуры. М.: Наука, 1977. 296 с.

Страбон. География / Пер. Г.А. Стратановского, под ред. С.Л. Утченко, О.О. Крюгера. М.: Наука, 1964. 943 с.

Ходжаев А.Х., Каримова Н. Сведения китайских источников по истории государственности Центральной Азии (переводы и исследования). Ташкент: Фан, 2018. 182 с.

Шаймарданов А.З. Представление титулов ранних кушанских правителей в материальных источниках // Археология Евразийских степей. 2025. № 2. С. 91–98.

Юстин. Эпитома сочинения Помпея Трога «История Филиппа» (кн. XLI–XLII) / пер. А. А. Деконского, М. И. Рижского // ВДИ. 1954. № 2. С. 206–224.

Benjamin Craig G.R. The Yuezhi: Origin, Migration and the Conquest of Northern Bactria / Silk road studies. Vol. 14. Turnhout: Brepols Publishers, 2007. 245 p.

Bosworth C.E. JABĠUYA // Encyclopaedia Iranica. Vol. XIV, Fasc. 3, 2007. P. 314–317.

Davidovich E.A. The First Hoard of Tetradrachmas of the Kušāna “Heraios” // Acta antiqua Academiae scientiarum Hungaricae. Budapest, 1983. T. XXVIII, fasc. 1–4. P. 147–177.

Kushan Histories: Literary Sources and Selected Papers from a Symposium at Berlin, December 5 to 7, 2013 / Monographien Zur Indischen Archäologie, Kunst Und Philologie 23 / ed. H. Falk. Heidelberg: Heidelberg Asian Studies Publishing, 2015.

Fan Ye. Hou Hanshu (Book of the Later Han). Vol. 3. 1965.

Sims-Williams N. Ancient Afghanistan and its invaders: Linguistic evidence from the Bactrian documents and inscriptions // Indo-Iranian Languages and Peoples / Proceedings of the British Academy. Vol. 116 / ed. Sims-Williams N. Oxford: Oxford University Press, 2002. P. 225–242.

Sims-Williams N. Bactrian language // Encyclopaedia Iranica. Vol. III, Fasc. 4, 1988. P. 344–349.

Информация об авторах:

Муминов Алишер Гаффарович доктор политических наук, профессор, Национальный университет Узбекистана имени Мирзо Улугбека (г. Ташкент, Узбекистан); alisher.nuuz@gmail.com

Назаров Хумоюн Алишерович PhD, Национальный университет Узбекистана имени Мирзо Улугбека (г. Ташкент, Узбекистан); humoyunjon1992@gmail.com

Муминов Отабек Уктамович Национальный университет Узбекистана имени Мирзо Улугбека (г. Ташкент, Узбекистан); otabekmuminov@gmail.com

REFERENCES

Albaum, L. I. 1960. *Balalyk-tepe. K istorii materialnoi kultury i iskusstva Pravoberezhnogo Tokharistana* (*Balalyk Tepe. On the history of material culture and art of the right-bank Tokharistan*). Tashkent: Academy of Sciences of the Uzbek SSR (in Russian).

Bichurin, N. Ya. 1950. *Sobranie svedenii o narodakh, obitavshikh v Srednei Azii v drevnie vremena* (*Collection of Details of the Peoples Living in Central Asia in Ancient Times*) 1. Moscow, Lenindrag: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Borovkova, L. A. 2005. *Kushanskoe tsarstvo (po drevnim kitaiskim istochnikam)* (*Kushan Empire (according to ancient Chinese sources)*). Moscow: "Vostochnaia literatura" Publ. (in Russian).

Davidovich, E. A. 1976. In *Vestnik drevnei istorii* (*Journal of Ancient History*) (4), 56–78 (in Russian).

Rempel, L. I. (ed.). *Dalverzintepa – kushanskii gorod na iuge Uzbekistana* (*Dalverzin Tepe is a Kushan urban settlement in southern Uzbekistan*). Tashkent: "Fan" Publ. (in Russian).

Mandel'shtam, A. M. 1966. In *Sovetskaya Arkheologiya* (*Soviet Archaeology*) (4), 53–64 (in Russian).

Pugachenkova, G. A. 1966. *Khalchaian (k probleme khudozhestvennoi kultury Severnoi Baktrii)* (*Khalchayan (on the issue of artistic culture of Northern Bactria)*). Tashkent: "Fan" Publ. (in Russian).

Rtveladze, E. V. 1997. In *Obshchestvennye nauki v Uzbekistane* (*Social Sciences in Uzbekistan*) (5), 67–70 (in Russian).

Rtveladze, E. V. 2009. *Tsivilizatsii, gosudarstva, kultury Sredney Azii* (*Civilizations, States, Cultures of Central Asia*). Tashkent: "Patent-press" Publ. (in Russian).

Rtveladze, E. V., Alimova, D. A. 2021. *Istoriia gosudarstvennosti Uzbekistana* (*History of the statehood of Uzbekistan*). Tashkent: "Akademnashr" Publ. (in Russian).

Stavitskiy, B. Ya. 1977. *Kushanskaia Baktrii: problemy istorii i kultury* (*Kushan Bactria: issues of history and culture*). Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Strabon. 1964. *Geografiia* (*Geography*). Stratanovskii, G. A. (transl.), Utchenko, S. L. Kriuger, O. O. (eds.). Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Khodzhaev, A. Kh., Karimova, N. 2018. *Svedeniia kitaiskikh istochnikov po istorii gosudarstvennosti Tsentralnoi Azii (perevody i issledovaniia)* (*Information from Chinese sources on the history of statehood in Central Asia (translations and research)*). Tashkent: "Fan" Publ. (in Russian).

Shaimardanov, A. Z. 2025. In *Arkheologiiia Evraziiskikh stepei* (*Archaeology of Eurasian Steppes*) 2, 91–98 (in Russian).

Yustin. 1954. In *Vestnik drevnei istorii* (*Journal of Ancient History*) (2), 206–224 (in Russian).

Benjamin Craig, G. R. 2007. *The Yuezhi: Origin, Migration and the Conquest of Northern Bactria*. Series: Silk road studies. Vol. 14. Turnhout: Brepols Publishers.

Bosworth, C. E. 2007. In *Encyclopaedia Iranica*. Vol. XIV, Fasc. 3, 314–317.

Davidovich, E. A. 1983. In *Acta antiqua Academiae scientiarum Hungaricae*. Budapest, T. XXVIII, fasc. 1–4, 147–177.

Falk, H. (ed.). 2015. *Kushan Histories: Literary Sources and Selected Papers from a Symposium at Berlin, December 5 to 7, 2013*. Series: Monographien Zur Indischen Archäologie, Kunst Und Philologie 23. Heidelberg: Heidelberg Asian Studies Publishing (in German).

Fan, Ye. 1965. *Hou Hanshu* (*Book of the Later Han*).

Sims-Williams, N. 2002. In Sims-Williams, N. (ed.). *Indo-Iranian Languages and Peoples*. Series: Proceedings of the British Academy. Vol. 116. Oxford: Oxford University Press, 225–242.

Sims-Williams, N. 1988. In *Encyclopaedia Iranica*. Vol. III, Fasc. 4, 344–349.

About the Authors:

Muminov Alisher G. DSc in political science, professor, National University of Uzbekistan named after Mirzo Ulugbek. University street 4., Tashkent city, 100174, Almazor district, Uzbekistan; alisher.nuuz@gmail.com

Nazarov Khumoyun A. PhD in the History of Science, National University of Uzbekistan named after Mirzo Ulugbek. University street 4., Tashkent city, 100174, Almazor district, Uzbekistan; humoyunjon1992@gmail.com

Muminov Otabek U. , National University of Uzbekistan named after Mirzo Ulugbek. University street 4., Tashkent city, 100174, Almazor district, Uzbekistan; otabekmuminov@gmail.com

Статья поступила в журнал 13.02.2026 г.

Статья принята к публикации 16.02.2026 г.

Авторы внесли равноценный вклад в работу